

18+

АНДРЕЙ ПРОКОФЬЕВ

**МЕРТВЕЦ
(ХРОНИКА ОДНОГО
КОМАТОЗНОГО СНА)**

Андрей Прокофьев

**Мертвец (хроника
одного коматозного сна)**

«Издательские решения»

Прокофьев А.

Мертвец (хроника одного коматозного сна) / А. Прокофьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567729-7

Следователь Елисеев ведет очень необычное расследование, в котором фигурирует загадочный персонаж, именуемый местными жителями мертвецом.

ISBN 978-5-00-567729-7

© Прокофьев А.
© Издательские решения

Мертвец (хроника одного коматозного сна)

Андрей Прокофьев

© Андрей Прокофьев, 2022

ISBN 978-5-0056-7729-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мертвец (хроника одного коматозного сна)

1

Откуда в душе берется такое огромное количество сомнений? Нет, скорее, это похоже на мрак, такой, что все возможные оттенки темного, усиленные потусторонним холодом, сгущаются всё сильнее и сильнее. Кажется, что осталось мгновение, чтобы черное поглотило с головой. Но нет, специально перемещаются светотени. Оттеняют, дают почувствовать. Вот и этот жалкий парень, который трясется вместе со стулом, что сейчас под его задницей. Что он скулит? На что он надеется, когда всё совершенно ясно.

Если бы, но вновь внутренний мрак. Нужно, чтобы он прекратил скулить. Лучше завтра, точно, что завтра будет лучше.

– Вы же были там, господин следователь. Как вы можете отрицать это. Вы же всё видели. Вы видели, что я не убивал Диану. Её убило это жуткое существо.

– Что ты собираешь. Прекрати ломать передо мной комедию. Твое право надеяться на то, что тебя признают невменяемым. Только я тебе не верю. Ты абсолютно здоров, и гражданку Ищенко убил ты, а не какое-то страшное, фантастическое существо – жестко отреагировал Елисеев, поднявшись из-за стола.

– Но вы же видели мертвеца. Я видел вас, я не могу ошибиться – взмолился парень.

– Прекратите Сергеев – рывкнул Елисеев, сделав два шага, он скрылся за тяжелой дверью, а к продолжающему трястись Сергееву вошел сотрудник, чтобы отвести последнего в камеру следственного изолятора.

Какая жалкая попытка вызвать сочувствие. Неужели он таким примитивным способом старается убедить меня, что психически не здоров. Никогда не мог представить, что когда-нибудь какой-то подонок, замаравший свои руки в крови, попытается обращаться ко мне подобным образом, захочет вовлечь меня, представить свидетелем. Полная херня, но почему настолько сильно коробит внутри и не отпускает отвратительный образ этого недоноска, а вместе с ним этот проклятый мертвец. Два описания внешности, очень четкие и одинаковые. Как они могли договориться, убийца Сергеев и этот Никитин. Нет, дело не в описании мертвеца. Есть что-то еще, вот оно и не дает спокойно резюмировать простой факт: неврастеник и хлюпик убил из ревности свою подругу, чтоб если не ему, то некому.

Может он, действительно, не здоров. Этого отрицать нельзя.

Елисеев почти целый час сидел на лавочке возле подъезда собственного дома. Вокруг никого не было. Поздний осенний вечер смело и уверенно управлял атрибутами времени года. Иногда появлялся мелкий чуть ощутимый дождик. Быстро его отгонял дующий с севера ветер. Делал это буднично, не вмешиваясь в устоявшуюся унылость. Ветер, в отличие от Елисеева, который пытаясь избавиться от преследующих образов переросшего слюнтяя Сергеева и загадочного, несуществующего мертвеца, думал именно об осенней хандре, не было ему никакого дела до убийства, до мистического мертвеца. Ветер просто перемещал воздушное пространство, он не задумываясь и не обращая внимания на время суток, менял юг на север, запад на восток.

Сколько дней стоит мокрая, темная непогода. Совсем не появляется солнце, а если обозначит себя, то сразу спешит исправить собственную оплошность. Скорее бы зима. Белое ослепит, оно же наведет марафет, наконец-то высохнет воздух. Куда подальше пропадет эта омерзительная, надоевшая влажность, которая что мрак, что мерцание. Только в моей голове?

Елисеев закурил. Мимо прошли две молодые женщины. Одна из них разговаривала по телефону, другая мельком взглянула на Елисеева, и он тут же сменил поток неприятных размышлений на вопрос: почему я, в последнее время, в каждой незнакомке ищу схожие с Катей черты, когда это стало нормой?

Девушки скрылись за углом. Через минуту со стороны того же угла появился сильно пьяный мужик, в правой руке которого имелась бутылка с пивом.

– Хоть бы раз вошла в мое положение. Ни грамма сочувствия, ни намек на хоть какое-то сострадание. Ну, и черт с тобой. Пусть всё так и будет. Всё довела меня, катись к чертовой матери – не видя в темноте Елисеева, сам с собой разговаривал пьяный мужик, живущий в соседнем подъезде, на первом этаже.

Не пытайтесь ни у кого вызвать чувство жалости, даже если это у вас превосходно получается – то все равно, не стоит. Ибо подобное обязательно утнет вас в безвозвратную трясины личностного ужаса, душевной импотенции, чего угодно, но уже непреодолимого, того, что простым желанием, самообманом затянет вас очень глубоко. Выбраться станет невозможно. Не жалеите себя. Не ищите себе бесконечных оправданий. Не играйте с частью внутреннего дьявола, потому что в какой-то момент он непременно пригласит настоящего беса, чтобы тот не только наслаждался вашим саморазрушением, но и профессионально довел начатое до своего логического завершения. Не ищите к себе жалости. Не просите её ни у кого.

Елисеев почувствовал просветление. Несложное мысленное отступление устранило образ загадочного мертвеца, вместе, следом за ним, исчез плачущий Сергеев, который собой лишь дополнял всякие отступления, от того становился еще более отвратительным.

«Он убил её. Тот прыщавый акселерат, спортсмен был прав. Иваницкий – забавная фамилия, которая совсем не подходит к заунывно типовой внешности».

Елисеев поднялся с лавочки. Хлопнула подъездная дверь. Четко отработал лифт, бесшумно отворились дверцы. Елисеев, уже в какой раз, встретился глазами с цифрой четыре, нарисованной с помощью трафарета на его лестничной площадке.

2

...Удивительно завлекала в свои сюжеты обыкновенная ночь. Она же разделяла собственное время на участки, каждый из которых напоминал Елисееву апокалиптическую зону. Они граничили друг с другом, они старались, чтобы он не ошибся, чтобы он точно знал: куда ему сначала, а куда следует двинуться после. Станным выглядело то, что он находился в узком периметре, огражденном колючей проволокой, с одинаковыми серыми столбами. В определенных местах проходы образовывали перекрестки. Четко и ярко в глаза врезались белые указатели, с черными надписями на них, где были цифры, были коды, но не было слов. А 237 СЕ, только Елисеев не мог решиться. Он каждый раз останавливался. Долго смотрел в ту сторону, которая должна была дать ответ, но там был виден ничем непримечательный ландшафт. Кусты, пригорки, впадины, зелень и серость. Чуть дальше странные конструкции из металла. Над всем этим такое же мрачное небо и полная, гнетущая пустота. Лишь очень необычный звук, проникающий не с наружи, а появляющийся изнутри, из внутренней пустоты, той, которая и составляла всё, что видели глаза Елисеева. И казалось, что данное не должно рождать вопросов, тем более сомнений. Только вот от чего так сдавливает дыхание. То, что находится за пустотой. Он ведь знает об этом. Еще знает о том, что защищает разделенное на фрагменты время, и то, что скрывает пустота, пока не может показаться на поверхности огромной лужи, которая сейчас по левую руку, с мутноватой водой, на которую падает слабый свет только что появившейся луны. Из-за туч, сквозь ветер, через пространство. Опередив заблудившуюся мысль, namного

опередив, что перепутались цифры и таблички. Кажется, они поменяли содержание. Цифра восемь сменилась на цифру три, цифра шесть неминуемо превратилась в девятку.

А ближний к Елисееву указатель начал поворачиваться вправо. Скорый испуг ворвался ознобом. Ветер охлаждал вспотевшую шею и короткостриженный затылок. Преодоление, только о чем всё это. Причем здесь альтернативный выбор, и о чем хотят рассказать ему фрагменты из чужеродной антиутопии. О чем всё это? Неужели лишь для того, чтобы появился он, – тот, кого, все вовлеченные в процесс, именует мертвецом.

3

Елисеев тяжело дышал, несколько раз перевернулся с боку на бок, не открывая глаз. Прошла минута, цельное предложение, произнесенное на неведомом языке, нарушило пространство притихшей комнаты. Мертвец спокойно сидел, безразлично наблюдая за Елисеевым.

Два раза до этого, сейчас в третий, Елисеев имел возможность лицезреть необычное создание, которое даже отдалено, не имело ничего общего с тем, что находилось вокруг него. И оставалось удивляться тому, почему люди, находящиеся рядом, которые обязаны были обратить свое внимание на явление монстра, этого не делали. Они просто не видели, смотрели в его направлении, проходили мимо, быстро исчезали. А он нахально сопровождал взглядом некоторых из них, кажется, старался запомнить или это лишь виделось Елисееву. Ведь он без всяких помех мог разглядеть чужака, запомнить настолько, что теперь точно знал: никогда ему не удастся избавиться от того, что видит сейчас, стоя всего в двух метрах, видя, как монстр бросает на землю бездыханное тело молодой девушки, прямо на асфальт, рядом с потоком грязной воды, стремящейся к вмонтированной в поверхность дорожного покрытия решетке.

Мертвец был высок ростом, широк в плечах. И если увидеть его со спины, то он ничем не отличался от обычного, очень крупного мужчины. Наглого, уверенного в себе, с хозяйской поступью, но всё же обыкновенного, на такого, каких хватает. А вот если в профиль. Еще хуже, если смотреть прямо, глянуть глаза в глаза. С расстояния тех же двух метров, которые сейчас отделяли Елисеева от явившегося на антиутопический перекресток мертвеца. Лицо, не скрывающее жуткой синева. Нос, что лишь половина. То же самое о лбе, обрезанном, слишком узком. Кто захотел постараться, но не тронул волос, похожих на паклю. Серую, сгнившую, выглядящую хуже, чем любая имитация. Такого произвести специально было нельзя, а рта и вовсе было не разглядеть. Губы, если и были, то казались лишними. Поэтому, вперед выпирала массивная челюсть, которая наваливалась на такой же огромный подбородок. Но главное – глаза. Что можно было в них увидеть, и нужно ли было.

Чернота, без примеси красного. Только пропасть, в которой даже лёд перестал существовать, как физическое тело, превратившись во что-то большее, куда более холодное, умноженное на время. Представить сложно, лучше оценить. Но постойте, для этого необходима минута, а самое большее, что можно получить – это несколько секунд. Убрав всякую вероятность умножения, и именно от этого глаза мертвеца становились всем, в течение мгновения. Сильнее и четче определяли облик. Прятали за собой колоссальные параметры физической силы. И совсем в бледное пятно, во что-то неразличимое превращалась, сливающееся общим мраком, темное одеяние мертвеца.

Часы бывают безжалостными. Бывают добрыми, иногда даже ласковыми. Всё зависит от того, в какую сторону стремишься. Куда и что, где и как, что после? Есть ли разграничение между типовым графиком и тем, что, не спрашивая согласия, хочет втиснуть внутреннею изнанку в рамки этого самого графика. А часы, им безразлично. Лишь зеленый цвет, лишь давно привычные цифры. Четыре лучше, чем два. Или наоборот? Чаше лучше два, еще приятнее, когда ровно четыре нуля. Ведь ночь в девяти из десяти случаев определяется утром. Глупо, и нужно согласиться с тем, что этого делать нельзя. Только каждая минута существует не только в нас, она живет и помимо, рядом, вокруг, за дверью. От этого быстро закружится голова. Хорошо, что есть механизм захлопывающий постороннее пространство, соединяющий

в одно целое нас и не имеющий к нам никакого отношения циферблат, чтобы утро определяло ночь, чтобы два часа ночи всегда были лучше, чем пять утра, ведь четыре часа до пробуждения тот срок, который всегда переиграет один час. А на самом деле?

Сновидению вполне достаточно десяти минут, может одной, иногда пары мгновений. Казалось на этом всё, но нет, есть еще физиология, есть степень усталости и та самая внутренняя изнанка, которая настолько хитра и противна, что очень трудно с чем-то сопоставить. Почему, когда плохо, когда и без того тяжело, она неизменно добавляет мрачных красок. Сами вытаскиваем? Конечно, что нам еще делать, куда нам деться. Но разве я не пробовал, разве ни случилось это многократно со мной лично. Я старался. Я убеждал себя. Но проклятая изнанка не была способна услышать. Она упорно стремилась к полному полуночному мраку. Она даже не могла удержаться в рамках какой-нибудь штампованной антиутопии.

А мертвец был. Его можно было увидеть сразу за циферблатом с зелеными символами, которые мгновением застыли на отметке без пяти четыре ночи.

Он был больше похож на размытую тень, он не имел четких контуров, и казалось, что в следующую секунду, он обязательно растворится. Будет поглощен, притаившейся в ближнем углу, ночью. В глубине, в том, чего нет на самом деле. Ведь должны заявить о себе стены, но нет, они предательски отодвигались всё дальше и дальше. Верить не хотелось, но они покидали пределы квартиры. Или это сознание смешивалось с той самой обманчивой изнанкой, пытаясь поставить те вопросы, от которых сознательно уклонялся. Избегал, прятался, молчал – не принимая странных, категоричных глаголов.

Вот и сейчас больше всего на свете захотелось забиться в самый дальний угол, чтобы всё это больше не имело места, чтобы силуэт мертвеца двинулся следом за стенами. На улицу, в непроглядную тьму, где ничего, лишь вакуум. Там ему место.

Движением с боку на бок, не прерывая сна окончательно, Елисеев избавился от мертвеца. Последний одномоментно оказался за стенами, которые, вытолкнув мертвеца, вернулись на свое место. Елисеев тяжело дышал, сидя на кровати. Взял в руки телефон, но спустя несколько секунд положил его на прежнее место. Ночь не давала сделать звонок. Часы меняли крайние цифры, но ночь не спешила последовать примеру, кажется, что она разучилась двигаться. Она приглашала к себе, она звала за собой, и Елисеев поднялся на ноги, двинулся в сторону балконной двери, за которой маячил шарик желтого цвета. Единственный, настырный и страшно одинокий, похожий на самого Елисеева. Случились еще два шага. Еще две пропасти удалось преодолеть, следуя за зовом того, чего не существует. И немудрено, что третий шаг стал избавлением. Виной тому стали оставленные за спиной часы, не последовавшие за Елисеевым, а уже в миллиардный раз подчинившиеся своему хозяину.

После этого Елисеев очнулся окончательно. Он стоял, не дойдя одного шага до балконной двери. Он хорошо видел, что она чуточку приоткрыта, и еще желтый шарик отчетливо трансформировался в свет одинокого фонаря, освещающего край производственной базы, расположенной по курсу, прямо напротив дома Елисеева, а за базой, заявляли о себе типовые многоэтажки.

«Какой сумбур, скорее бы приехала Женька» – подумал следователь, включая на кухне электрическое освещение.

После, смешавшись с табачным дымом, пролетели два часа. Когда утро вступило в свои права и слышались всё более явственные звуки со стороны, Елисеев вернулся на кровать. Полных полчаса ему не удавалось отключиться. В голове продолжали бороться две противоположные сущности. Одна требовала отдыха, другая не хотела оставить сложившееся положение без сиюминутного анализа. Силы их были примерно равны, и поэтому Елисеев то закрывал глаза, то вновь их открывал. Минуту тратил на то, чтобы вернуться к образу мертвеца. Следующая уходила на то, чтобы окончательно расправиться с мертвецом, отправив последнего в безапелляционное положение сугубо вымышленной реальности. Наступала третья минута, и она

каждый раз пыталась свести в единое целое две предыдущие фазы – это приводило к нестерпимому желанию уснуть.

Можно посчитать. Можно разделить.

Но, в конечном итоге, сон, получив дополнительные баллы со стороны физической усталости, взял вверх, и Елисеев уснул. Облегчения данное не принесло, а, напротив, случилось то, чего Елисеев точно не желал.

4

Замкнутое пространство, в виде узкого, длинного коридора, где между стенами какой-то метр. Позади тупик. Стена окрашенная чем-то темно-зеленым. Нужно двигаться вперед. Все равно почти ничего нельзя разглядеть. Лучше, что свободное пространство ощущалось. Хуже, отсутствовала альтернатива. Но нужно двигаться, что спустя несколько секунд и начал делать Елисеев.

Первые десять шагов сопровождались сильным сердцебиением. Вместе с этим, спина начала покрываться холодной, липкой испариной. Но ноги отмеряли расстояние уверенно, даже торопились, опережая испуганное сознание. Елисеев отчетливо ощущал этот парадокс, хотя понимал, что так быть не должно. Только вот все попытки восстановить нормальный ритм к успеху не приводили, напротив, неприятный диссонанс лишь увеличивался. Нужно было понимать, что если так пойдет дальше, то через несколько секунд его тело потеряет связь с сознанием, вырвется вперед и следом произойдет самое страшное, ведь именно от этого еще сильнее и яростнее стучит сердце, ведь именно данная мерзость начала раздваивать зрение. Ладно, если проснуться. А если нет, откуда эта катастрофическая мысль? Как она нашла себе здесь место? Нет, он не сможет проснуться, он должен будет остаться здесь, в этом коридоре. Остаться навсегда там, где всего метр с небольшим в ширину, где глухая стена за спиной и непроглядный мрак впереди тоннеля, которому нет конца, который затягивает в себя всё сильнее и сильнее. Переворачивает сознание, заставляет ощутить. Нет, всего лишь вспомнить. Еще мгновение, и теперь получается, что необходимо вернуться назад, но не в сторону тупиковой стены, а туда, где и осталось давно потерянное время. Забытое, выкинутое нарочно, с умыслом, чтобы избавиться, чтобы можно было не возвращаться. А значит, спокойно жить, нормально воспринимать действительность. Да, так, не иначе. Иначе нельзя, ибо мрак, ибо не будет ни одного шага вперед. Лишь бутылка, с ней мрачная компания странных личностей, которые собственное отражение, которые быстро утянут на ту сторону, где уже не будет ничего нормального. Нет семьи, нет работы, нет маленьких жизненных радостей, нет новых и старых друзей, нет света, нет хорошего настроения. Лучше не продолжать. Слишком много примеров, избыточно количество воспоминаний о тех, кто не смог вырваться, кто остался в периметре жуткой рабочей окраины. Плохо сложилась судьба этих людей. Можно было бы сопоставить. Вспомнить многих поименно.

Присутствие нереальной реальности могло напомнить, но времени на анализ давать никто не собирался. К тому же, вдвое и неожиданно расширился коридор. Появились двери справа, слева. В глубине, на расстоянии десяти метров, зажглась тусклая лампочка. Всё встало на свои места. Елисеев видел свою сестру Екатерину.

Катя была такой, какой видел её в последний раз, больше двадцати лет назад. Ему тогда исполнилось двадцать пять, Кате было семнадцать. А вокруг них всех, везде и всюду, бесновалось самое мрачное время, из всех времен, которые когда-либо имели место быть. Но ведь неправда, а лишь внутренний мир и не тот, что был частью самого Елисеева, в те годы, а тот, что явился позже. Спустя десять лет, пятнадцать лет. Но точно не тогда, когда середина девяностых годов собирала свою страшную, каждодневную дань. Люди умирали подобно мухам. Кто от наркотиков, кто от самопального алкоголя, кто, не видя иного выхода, завязывал на шее веревку. Болезни, которые можно было бы вылечить, если бы не середина девяностых.

Кто-то был убит, решив, что пришло его время получить всё из ничего. Кто-то превратился во что-то лишь отдаленно напоминающее человека. Всё было. Был Елисеев и в тот день еще живой была его сестра Катя.

Нельзя сказать, что они когда-либо были дружны. Этого не было, скорее, наоборот. И уж точно не в тот день, который так и останется бесконечным. Хотя сколько раз Елисееву удавалось убедить себя, что этот день ничем не отличался от других. Только доказательство держалось недолго. Проходил час, иногда меньше, рушилась полноценность. Вновь что-то мешало, что-то путало. Необходимо было начать вновь, вернуться, но проще было оборвать. Заставить принять факт без наличия полного доказательства. Так проще, но точно, что не легче. А время шло. Оно менялось, оно поглощало и умело обманывало. Кошмар всё увереннее становился реальностью, пока мало материализованной, но определенной, осязаемой, такой, которая каждый день и каждую ночь будет требовать своего всё сильнее, всё настойчивее.

Катя не видела брата. Елисеев не пытался этого исправить, лишь украдкой, пытаясь надежнее спрятаться, наблюдал за тем, что уже видел. Просто основательно забыл. Не мог вспомнить и сейчас. Тем более, странные светотени крутили картинку. Делали это настолько настойчиво, что временами оставался лишь фон, а спустя секунду, всё возвращалось к исходной точке, и вновь перед Елисеевым была Катя. Она смущенно улыбалась, выслушивая того, кто был рядом с ней. Только вот, этого человека Елисеев разглядеть не мог. Последний как будто специально отделялся незримой перегородкой, где сгушался окончательный мрак, где лишь быстрая смена палитры. Всё более темная, всё более злая, дополняемая совершенно неопишным звуковым рядом, состоящим из бульканья, скрипучего шепота, всего недоступного Елисееву, несмотря на то, что он и сам находился не на своем месте, а в смежной, близкой к ним реальности.

Сильным было воздействие страха. В любой момент сдвинутся рамки времени, и тогда Катя сможет ощутить его присутствие. Ничего более ужасного он не испытывал никогда, от этого естественным выглядело желание, как можно скорее почувствовать очередной переворот реальности.

Лучше сухость во рту. Лучше сильное сердцебиение, с липкой, противной испариной на спине, чем приближение того, от чего он, как казалось, сумел избавиться. Но, оказалось, что не до конца.

Катя начала говорить, делала это медленно. Затем помахала рукой тому, кто продолжал оставаться в полной недоступности, а после, увидела то, о чем, задыхаясь, молил её родной брат. Катя повернулась боком, сделала шаг в сторону. Картинка начала меняться. Тусклым и отдаленным, в одно мгновение, предстал фон – и Елисеев выдохнул уверенно: очередная встреча не принесла ничего нового, потерявшая звуковое сопровождение рамка исчезла. Коридор утратил намеки на таинственность. Теперь Елисеев находился в обычном коридоре, самого обычного дома. Мгновенно стало легче. Поверхностная мысль вылезла вперед: сейчас всё обычно, просто сновидение, в нем нет никакого мертвеца, в нем нет места умершей сестре – это набор фрагментов, которых много, которые проекция на то, что было прошедшим днем, вчерашним днем, недель, загнанными мыслями, воспоминаниями.

Елисеев проснулся. Два кошмара в одну короткую ночь. Навязчивая реальность им в дополнение. Всё тот же хлюпик Сергеев, мычащий, трясущийся и произносящий странные реплики, настолько несуразные и необъяснимые: – Вы же были там, господин следовательно, вы же видели, что я не убивал Диану, её убило это существо, её убил этот проклятый мертвец, которого многие не видят, но мы с вами способны его опознать, способны признать его реальное существование.

Нет, Сергеев говорил лишь первые строчки, в которых мольба и истерика. Остальное додумал он Елисеев, произнес этот бред, приняв на себя роль запуганного и обреченного Сергеева. Только зачем? Почему не выходит из головы облик этого жалкого человека. Если бы

не было видений, то всего лишь необычное поведение или реальное умопомешательство подозреваемого. Но вот если бы он один. Разве ни то же самое твердил некий Никитин, и какие странные ощущения не покидали целых два дня, после того как Панченко, в своей привычной, ржачной манере, рассказывал о том, что Никитин утверждал: у него есть свидетель, что этого свидетеля он видел десять минут назад, в этом коридоре, в двух метрах от кабинета, что этот человек следователь, что он работает здесь.

5

– Откуда ты знаешь, что этот человек следователь. Может он подследственный, твой коллега или простой посетитель – спросил у Никитина Панченко.

– Нет, он следователь, он из полиции. Я не могу объяснить, но знаю точно – уверенно и даже нагло ответил Никитин.

– Что значит, не могу объяснить! – рявкнул на Никитина Панченко, но тот и не думал отступать, а настаивал на своем: – Это же ваш человек. Я правильно понял, я не ошибся, и этот человек видел, как мертвец убил Светлану. Он всё видел, он находился в двух метрах от меня. Я сидел на корточках, прислонившись к стене, а этот человек внимательно на меня смотрел.

– Хорошо, предположим, что подобное возможно. Но тогда скажи мне: куда затем удался гражданин Елисеев, так его фамилия, и почему на первом допросе, ты ничего об этом не говорил. И самое главное, когда тебе в голову пришла эта ахиня! – криком закончил Панченко.

Никитин мычал и вздрагивал, у него возбужденно бегали глаза.

– Спросите у него, он должен подтвердить – наконец-то выдал из себя Никитин.

– Ну, да, как-нибудь на досуге – усмехнулся Панченко.

Усмехался он и в тот момент, когда рассказывал об этом забавном случае.

– Ты надеюсь не внес сей замечательный бред в протокол допроса – смеялся громче коллеги, отхлебнув холодного пива, спросил у Панченко Елисеев.

– Ты серьезно, нет, конечно – улыбнулся в ответ Панченко, а Елисеев чувствовал себя паскудно.

Что-то странное, малообъяснимое давило изнутри грудной клетки, не позволяло полноценно разделить с коллегой забавную историю. Приходилось делать вид, приходилось сдерживать себя от того, чтобы вертевшиеся на языке вопросы не были озвучены вслух. Откуда это? Почему дебильный бред незнакомого подонка так сильно впился в сознание. Что со мной происходит? Или я, действительно, там был? Нет, не был. Всё лишь сон. Обычный кошмар, явившийся из отрывков, слухов, разговоров, что засели в голове, вторя необычным событиям. Да, именно так. Иначе и быть не может. А Катя, откуда она могла там появиться. Где там? Во сне или в фантазии Никитина. Мне ведь показалось, что мертвец убил не Светлану Приходько, а Катю. Я проснулся в тот момент, когда наклонился к убитой девушке и убедился, что передо мной Катя. Еще мелькнул этот Никитин, он сидел и трясся, прижавшись к стене темного, незнакомого здания, кажется, производственной базы или гаража.

– Удивительные личности встречаются. Увидел меня и тут же решил: вот версия моей невиновности. Скорее, что он психически не здоров – после небольшой паузы в разговоре, произнес Елисеев.

– Экспертиза покажет, но я уверен, что определят этого Никитина, как вменяемого. Знаешь, одного никак понять не могу. Сколько лет работаю, сколько разной мрази пришлось поведать. И всё время меня не покидает одна простая мысль: неужели каждый из них думает, что наказание обойдет его стороной, что никто ничего не узнает и он будет мучиться лишь угрызениями совести – мрачно, забыв о недавнем хохоте, произнес Панченко.

– Бывает так, что некоторым удастся избежать возмездия. Сам знаешь, какое количество нераскрытых убийств – так же мрачно не согласился с коллегой Елисеев.

– Ну, не так уж и много. Хотя шанс есть всегда, но не так же откровенно – отреагировал Панченко, наливая себе и Елисееву в высокие, стеклянные кружки порцию холодного пива.

– Но, он же не пытался убежать? – осторожно спросил Елисеев, вернув Панченко к обстоятельствам дела Никитина.

– Почему, пытался, и еще как. Бежал так быстро, что думали: уйдет сука. Его же вместе с этой Приходько видели, и в клубе, и в баре – прокомментировал Панченко.

– А меня, что же вы не заметили – засмеялся Елисеев.

– Конечно, своих сотрудников мы никогда не видим. Даже если они оборотни в погонах – громко захохотал Панченко.

– Ясно всё, но всё же необычная история. Никогда бы не подумал о том, что меня попытаются сделать свидетелем – несколько отстраненно произнес Елисеев.

Панченко протянул навстречу Елисееву кружку с пивом. Стекло соприкоснулось, а через несколько секунд с содержимым кружек было покончено.

И вот во второй раз. Всё тот же мертвец. Всё те же окрестности. Вновь убита молодая девушка. Только теперь Елисеев занял место Панченко. Никитин сменился Сергеевым. Но остальное – всё в точности, всё похоже на детский ребус – найди десять отличий. Три из десяти найдены. Сменились действующие лица...

Елисеев, с опухшим от недосыпания лицом, сидел напротив гражданина Никитина, которого вызвал на допрос по делу Сергеева, хотя два дела не были объединены в одно. Каждый из подследственных обвинялся в убийстве, у каждого имелась своя жертва, с разницей в две недели, и каждый из них пытался авантюрно скрыться, рванувшись напролом, увидев полицейских.

Никитин держался более спокойно, чем Сергеев. Просто успел адаптироваться, сумел свыкнуться со своим незавидным положением. Вот на этом и решил сыграть Елисеев. К тому же тот бред, что собирал Никитин, на допросе у Панченко. Сейчас свидетель перед ним. Теперь можно обратиться непосредственно.

Выглядел Никитин осунувшимся. Бледная кожа на лице и руках сразу бросалась в глаза. Физическая сила, которой, в достаточной мере, обладал Никитин как-то стерлась, обмякла. Сейчас этот крупный и еще недавно уверенный в себе молодой парень был больше похож на громоздкий, недвижимый предмет, с полной, загнанной апатией – это можно было отметить сразу, достаточно посмотреть в глаза Никитина, которые выглядели сонными, затянутыми прозрачной пленкой. Крупный рот, с такими же габаритным носом, коротко подстриженные волосы – всё это виделось ненатуральным, особо болезненным, и лишь отчасти напоминало о том, что местные условия не лучшим образом влияют не только на психику, но и на внешний вид подозреваемых. Хотя глупо отделять одно от другого. Впрочем, Елисеев и не пытался этого делать. Просто изучал, смотря на Никитина, который, к этому моменту, еще не успел произнести ни единого слова, всё время прятал свой взгляд, отправляя его в сторону, ничем непримечательного, вышарканного линолеума.

– Скажите, Максим Алексеевич, как выглядел мертвец? – резко спросил Елисеев, Никитин сильно вздрогнул, а после держал минутную паузу.

Елисеев терпеливо ждал, не сводя глаз с лица Никитина, на котором медленно, но четко проявлялись изменения. Никитин начал оживать. Происходило именно то, на что рассчитывал Елисеев.

– Он крупный, примерно, два метра ростом. У него едва различимые глаза. Страшная одежда, он реально поднялся из гроба. Сгнившая кожа. Местами видно желтые черепные кости.

Никитин начал спокойно, но очень быстро перешел на возбужденный темп. Его глаза задвигались. Теперь он постоянно оглядывал скудное убранство кабинета. Искал понимания на лице Елисеева, хотя тот озвучил всего один единственный вопрос.

– Мертвец говорил? Ты слышал его голос? – спросил Елисеев.

– Нет, он не может, он утерять способность говорить – импульсивно ответил Никитин, и Елисеев подумал о том, что заключенный переигрывает или с ним происходит что-то пока неопределенное, а всего лишь стоило затронуть образ мертвеца.

– Откуда ты знаешь, что мертвец утерять возможность говорить. Ты сам пришел к такому выводу или кто-то подсказал тебе это – серьезным, даже мрачным, тоном спросил Елисеев.

Никитин же странно улыбнулся.

«А у него проблемы с головой» – подумал Елисеев.

– Вы же мне сказали. Зачем вы меня спрашиваете? Может вы забыли, но об этом вы сказали мне – прошептал Никитин и сразу после этого оглянулся на тяжелую, металлическую дверь.

– Я тебе сказал? – изобразив крайнее удивление, спросил Елисеев.

– Я спросил: кто вы, что вам нужно? А вы ответили за него: он вам не ответит, он больше не может говорить – озвучил Никитин, но Елисеев не мог вспомнить этого, не мог вспомнить когда, в какой момент, это произошло. Помнил лишь лицо Кати, из-за рта которой стекала тонкая струйка крови. Помнил, что спустя несколько секунд лицо Кати начало исчезать, ему на смену проявлялось лицо совершенно незнакомой девушки, а затем появился звук приближающихся автомобилей. Тогда отошел в сторону, спрятался в углубление стены, почувствовал спиной холодную сырость кирпича, а Никитин заметался. Еще секунда, и Никитин, освещенный светом фар, бросился бежать. Полицейские рванули за ним. Первая машина следом, две другие разделились, чтобы перехватить убийцу (данный район был хорошо знаком сотрудникам). Никто не заметил Елисеева, никто не мог его заметить. Ведь спустя тридцать секунд Елисеев проснулся в собственной кровати. Долго тяжело дышал. Затем нервно, кусая фильтр, смолит сигарету. После еще одну, вспоминая странную сцену, которая не имела разумного объяснения.

– Вы не верите мне. Почему вы не хотите мне помочь. Вы могли бы. Они бы вам поверили. Как вы будите с этим жить, зная о том, что благодаря вашему молчанию, конкретный человек, живой человек, будет уничтожен, он будет лишен всего, он будет заживо гнить в колонии. Вместо того чтобы жить, работать, любить.

Голос Никитина срывался в истерику. Руки начали трястись. А Елисеев выдерживал гроссмейстерскую паузу.

– Со мной всё кончено, теперь со мной всё кончено – прошептал Никитин.

– Неужели ты думаешь, что сможешь меня втянуть в свои болезненные фантазии. Я тебя вызвал на допрос лишь потому, что по нашей округе продолжает распространяться много легенд и слухов на тему мертвеца, на тему всей этой мерзости. Но мы разберемся. И по поводу моего непосредственного присутствия там, где ты совершил убийство, то я был там. Я находился в одном из автомобилей, которые преследовали тебя, когда ты очень резво бросился от нас наутек, когда ты чуть не оставил нас с носом, еще не много и тебе удалось бы уйти. Откуда ты настолько досконально знаешь все входы и выходы, все возможные проходы и щели. Я могу согласиться лишь с теми выводами, что сделал мой коллега: ты убил девушку – разразился нервным, довольно жестким, монологом Елисеев.

Никитин выглядел жалко, окончательно потерянным. Последние признаки обозначившейся надежды покидали несчастного стремительно, он вновь превращался во что-то аморфное, раздавленное, но всё же попробовал сделать заключительную попытку.

– Не могло вас быть в автомобиле. Не могли вы меня преследовать. Вы оставались там, вы спрятались, а после незаметно покинули это место, буквально, растворились в темноте.

– Ладно, допустим – глубоко выдохнув, произнес Елисеев, затем помолчав десять секунд, добавил: – Только вот неувязка получается. Как ты мог видеть, что я незаметно покинул место преступления, что меня, как ты говоришь, не заметили оставшиеся возле трупы полицейские.

Ведь ты, в это время, пытался спастись бегством. Ты использовал свою последнюю возможность уйти от неизбежного правосудия. Поэтому, если даже представить, что всё было в соответствии с твоими словами, то ты этого видеть не мог, а значит, ты сам признался в собственном же вранье. Даже не пытайся мне еще что-то говорить – закончив с монологом, Елисеев потянулся за сигаретой.

– Но я видел, это находилось в моей голове. Да, я бежал, но я видел и никогда не смогу этого забыть – произнес Никитин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.